

Остерия "Старый конь"
Дело первое

КЪЯТА

Виталий ОСТАНИН

Остерия «Старый конь»

Виталий Останин

**Остерия «Старый конь».
Дело первое: Кьята**

«Виталий Останин»

2016

Останин В. С.

Остерия «Старый конь». Дело первое: Кьята / В. С. Останин —
«Виталий Останин», 2016 — (Остерия «Старый конь»)

ISBN 978-5-44-749852-8

Добро пожаловать в остерию «Старый конь». Это место считается нейтральной территорией для криминального мира средневекового Сольфик Хуна. Ее владелец – бывший сотрудник Тайной Имперской стражи. Ее гости – проходимцы и титулованные особы. А еще здесь можно вкусно поесть!)

ISBN 978-5-44-749852-8

© Останин В. С., 2016
© Виталий Останин, 2016

Содержание

Сцена первая,	5
Сцена вторая,	14
Сцена третья,	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виталий Останин

Остерия «Старый конь».

Дело первое: Кьята

Сцена первая,

в которой Мерино спешит на одну встречу, а попадает совсем на другую. Также здесь фигурируют: бандит Крысюк, вдова Карла Тотти и дурной запах государственных интересов.

3 октября 783 года от н. п.¹

Мерино Лик, кабатчик

Город Сольфик Хун, столица Великого герцогства Фрейвелинг

Сольфик Хун – очень шумный город. Столица герцогства, крупный морской порт, перекресток многих торговых путей – как ему не быть шумным? Но в десятый день триды², когда по заведенной не одну сотню лет назад традиции жители всех окрестных деревень съезжались на многочисленные рынки города, Сольфик Хун превращался в бурлящий котел. По центральным улицам сновали толпы продавцов, покупателей и просто зевак. В основном семьи зажиточных крестьян: несколько ребятишек разного возраста, пышнотелая матрона и старавшийся (совершенно безуспешно) выглядеть незаинтересованным глава семейства. Все в лучшей одежде, надеваемой только на праздники, все крикливые, любопытные, жадные до столичной жизни...

Добавьте к этому выступления лицедеев на каждом углу и подле каждой статуи святого или пророка, коих в городе, по данным кансильера³ архивом, было ровно сорок три штуки. А еще заискивающе наглые мольбы городских нищих, оккупировавших подступы к храмам. И не забудьте крикливые компании молодых дворян, то ли продолжавших гулять после ночи, то ли начавших пить прямо с утра. И все это сдобрите ароматами свежих и уже подгнивших фруктов и овощей, жареного мяса, сырой рыбы, варенных в меду устриц, коровьего и конского навоза, а также густых стоков канав вдоль улиц. Тогда вы поймете, что без веской причины уважающему себя человеку не стоит заходить в центр города в ярмарочный день.

Высокий, чуть полноватый (что при его росте в глаза не бросалось) Мерино Лик по прозвищу Праведник не был незаметным человеком. Однако умел таковым казаться. Малость ссутулился: плечи вперед, голова слегка опущена – и вот он уже среднего роста толстячок с рыжеватой-седою бородой на круглом бесхитростном лице. Купец или лавочник с весьма невысоким, судя по одежде в черно-серых тонах и стоптанным башмакам, доходом. Даже разрешенного к ношению низкому сословию ножа на поясе и то нет. Горожанин, который не задержит на себе взгляд больше чем на секунду. Грабить такого можно только от безысходности, ведь даже самый оголодавший бандит поймет, что в худом кошеле жертвы вряд ли окажется больше десятка медных монет – тот еще прибыток. Чуть выбивались из образа только глаза: серо-голубые, внимательно-цепкие и прищуренные: то ли от яркого солнца, то ли в усмешке. Скорее даже второе, морщины вокруг глаз говорили, что их обладатель любит улыбаться.

Впрочем, как и положено незначительному человеку, смотрел Мерино в землю.

---

¹ Пришествие пророков. Летоисчисление во всем цивилизованном мире (территории бывшей Империи Рэя), своего рода новая эра, ведется от прихода пророков Донаты и Кипаги, которые принесли в Империю нынешнюю веру – в Единого Творца мира.

² Месяц из тридцати дней делится на три равные части – триды. Десятый день каждой триды считается ярмарочным днем. Также в десятый день не работают присутственные места и сборщики налогов.

³ Советник. Должность управляющего учреждением.

И не то чтобы сейчас подобная маскировка была нужна, просто привычка, от которой он не видел причин избавляться. Когда-то она спасала Мерино жизнь, а кто знает, что нам уготовил Единый на день сегодняшний? Когда отдаешь почти двадцать лет жизни общению и работе с грабителями, убийцами, жуликами и титулованными особами, на характер и привычки накладывается определенный отпечаток. Неприятностей ждешь постоянно, хотя, как показывает практика, они все равно приходят неожиданно.

Сейчас Мерино спешил. Буквально через пять минут его ждала встреча, а пройти требовалось еще несколько улиц: запруженный людьми квартал в центре города в утро ярмарочного дня. Такое возможно только при определенной сноровке и большом везении. А человек, с которым была назначена встреча, не из тех, кто станет ждать опоздавших. И вовсе не от чувства собственной важности.

Обогнуть парочку сцепившихся языками хозяек, вышедших в рыночные ряды за покупками, с сожалением улыбнуться крестьянину, протягивающему корзину с куриными яйцами, шлепнуть по руке слишком уж неаккуратного мальчишку-карманника. Свернуть в переулок за таверной, уже полной из-за бушующей неподалеку ярмарки. Успел? В переулке пусто...

– Опаздываешь, Праведник! – голос Крысюка, появившегося из-за кучи сваленных как попало ящиков из-под рыбы, был полон укоризны. Мерино в который раз поразился, насколько точно подходит бандиту его прозвище. Не выше полутора метров, худой до болезненности, с лицом настолько же неприятным, насколько и выразительным. Бегающие слезящиеся глаза смотрели на мир с настороженностью маленького хищника. Или падальщика. Крысюк был и тем и другим.

– Дождался ведь... – Мерино не собирался оправдываться перед бандитом. – Чего звал? И с чего вдруг такая срочность? Мальчишка, которого ты послал, меня уже на рынке нашел.

О том, что Мерино совсем не понравилось, как легко это удалось мальчишке (общеизвестно, что предсказуемость опасна), упоминать не стал.

Крысюк замялся, похоже, не зная, с чего начать разговор. Мерино же смотрел спокойно, вовсе не собираясь помогать. С бандитами только так: упустишь инициативу – на шею сядут. Раз звал, раз ждал, значит, ему что-то нужно, и явно непростое. Вот и пусть озвучивает. Он проситель.

– Укрыться мне надо, Праведник! – наконец разродился Крысюк. – В бегах я. По городу шмон, наших стража берет без всяких дел...

– Мне что с того?

– Должен буду!

– Уже давно должен. И много.

– Так я отработаю!

– Ну, это если живой останешься. Повторю вопрос: мне что с того?

Крысюк был не самым умным бандитом Пыльной улицы⁴, но хитрым. Он отлично умел выживать на городском дне. И по спокойствию и незаинтересованности Мерино понял, что, если сейчас не сделает заманчивое предложение, спасение уйдет с этим человеком и не оглянется.

– Мне есть что рассказать! Тебе это будет полезно!

– Откуда такая уверенность? – Мерино приподнял одну бровь. Немного заинтересованности. Совсем немного.

– Знаю. Связано со шмоном и его причиной. Слыхал, ты интересовался этим. Спрячь меня дней на пять или помоги из города выйти – все расскажу.

Мерино отрицательно покачал головой.

---

⁴ Пыльная улица, или Пыльник – район города между вторым и третьим кольцами крепостных стен, считающийся местом обитания преступного мира Сольфик Хуна. В городе даже преступников так называют – пыльники.

– Тухлая рыба, Крысюк. Ты ведь знаешь, я такую не покупаю.

И скривился так, будто этой самой рыбы нюхнул. В голове, однако, отметил, что вопросы о своем интересе надо задавать аккуратнее. Вон уже и Крысюк знает! Хотя нет – зря он так. У бедняги жизнь такая: больше знаешь – дольше проживешь.

Неприятное лицо бандита окончательно обезобразила работа мозга. Мерино чувствовал, что Крысюк имеет в запасе какой-то козырь и сейчас пытается решить: надо ли разыгрывать его прямо сейчас? Ведь услуга, которая уже оказана, ничего не стоит.

Праведник прекрасно умел ладить с типами, подобными Крысюку, большую часть жизни только этим и занимался. Тут необходимо было подстегнуть беднягу.

– Так я пойду? – и обозначил легкое движение корпусом, будто и правда собирался развернуться. Сработало, как всегда, безотказно.

– погоди, Праведник! погоди! Я сейчас скажу. Только дай слово: если наколка годная, ты мне поможешь!

«Хитрец какой!» – восхитился Мерино. Многие обитатели Пыльной улицы знали, что Мерино Лик по прозвищу Праведник крайне неохотно дает слово. Потому что всегда его держит. Ну, должны же быть у человека слабости.

– Ладно. Если годная, помогу. Выкладывай!

Крысюк выдохнул с явным облегчением и тут же начал говорить, как на допросе в пыточном подвале:

– Весь шмон из-за обноса дома мастера Беппе Три Пальца. Слышал?

Кивок. Позавчера, действительно, кто-то обчистил дом известного корабела. Но Мерино никак не ожидал, что активность стражи повысилась из-за этого. Три Пальца, конечно, мастер и... А, ну конечно, он же...

Крысюк тут же подтвердил догадку:

– Беппе – человек маркиза⁵, наши все об этом знают. Работает только по заказам из замка. Никто бы не полез! Да и что там брать – от силы десятков сьюто⁶, а проблем до веревки! Наши не обносили корабела, Праведник, Единым клянусь! Заезжие это, наводка на них есть! А стража метет всех без разбора, и докажи потом на виселице, что ты ни при чем!

– Что за заезжие и что за наводка?

– Меняла Чезаре с Виноградной улицы их знает. Я так понял, он их встречал. Сам слышал, как хвастался в кабаке: дескать, заплатили ему хорошо! А зачем нашим ему платить? За что? Мы и так тут все входы и выходы знаем. Где и мышшь не пройдет, там мы с благословением Единого проскочим! А Три Пальца обнести для нас, как два пальца... Да только зачем человека Фрейланга трогать? Не по норме⁷ это. Заезжие, клянусь чем хочешь! И Чезаре у них наводчик!

– Тадор! – остановил Мерино бандита, назвав настоящим именем. Тот сразу заткнулся, внимательно глядя на кабатчика. – А что украли у Беппе Три Пальца?

– Я точно не знаю. Но стража трясла наших за бумаги. Документы какие-то... А что за бумаги, я не знаю, Праведник! Вексея, наверное... Человек пятнадцать уже наших загребли...

«Какие все-таки замечательные люди эти бандиты! – с внезапно возникшим умилением подумал Мерино. – Все у них просто, все из-за денег. Раз бумаги, стало быть, вексея».

Он еще некоторое время слушал Крысюка, но тот пустился в повторение уже сказанного, значит, больше ничего не знал. И Мерино принял решение. В конце концов, от него не убудет, а Крысюк крутится с разными людьми и как осведомитель очень хорош.

---

⁵ Имеется в виду маркиз Йан Фрейланг, первый советник и регент Великой герцогини Фрейвелинга, Ариэль.

⁶ Сьюто – серебряная монета весом 20 граммов. Основная ходовая монета в герцогстве Фрейвелинг.

⁷ Норма – сокращенная от *погматива* (правила). Свод законов криминального мира. В частности, здесь Крысюк говорит, что кража у людей, находящихся под прямой и гласной защитой власть имущих, является нарушением правил.

– Ладно, Тадорито, ступай за мной. Только держись в отдалении, а то ещё решат, что мы вместе, а это ни мне, ни тебе не нужно. И место, в котором я тебя спрячу, кхм... неожиданное! Но дал слово и не обману.

Из переулка Мерино вышел, завязывая веревки на штанах и на всякий случай смущенно улыбаясь. Приспичило человеку – с кем не бывает? А тут такой славный переулок... Пусть за ним никто не следил, да и кому он нужен, если подумать, но привычка – вторая натура.

Где спрятать Крысюка, Мерино понял в тот миг, когда решил ему помочь. Куда никогда не полезет искать стража – в герцогские конюшни. Конечно, еще предстояло убедить смотрящего, досточтимого синьора Вэнно, в том, что именно сейчас ему понадобился чернорабочий. Но если напомнить про тот факт, что синьор Лик в свое время помог вытащить из дурной компании несовершеннолетнего отпрыска Вэнно, переговоры эти не будут очень уж трудными. Сложнее убедить Крысюка, что там его, перепачканного навозом, никто не станет искать.

Конюшни располагались сразу за ограждением замка Инверино⁸, резиденции местных владетелей. Ну, это если смотреть на замок из города. Что значило, что они жили за собственной крепостной стеной⁹. И это тоже было некоторой проблемой. Сам Мерино через воротную башню крепости мог пройти без проблем, его там хорошо знали. А вот Крысюк с его роскошно драной одеждой и воровской рожей мог туда попасть только в кандалах, прямоком в допросный подвал.

– Тадорито! – подозвал Мерино бандита, когда ярмарочный шум стих позади, и наблюдать за беседой двух человек на пустой узкой улочке стало некому. – Сейчас тебе надо переодеться во что-то вроде одежды подмастерья. Победнее, но относительно чисто. Затем, отдельно от меня, пойдешь на площадь Святого Доната и там сядешь вместе с нищими на ступенях храма Скрижалей. Вы их стрижете, так что они тебя не тронут. Будешь торчать там до тех пор, пока к тебе не подойдет худой лысый мужчина с рыжей бородой клином...

– Смотритель герцогских конюшен синьор Вэнно? – Мерино кивнул, и Крысюк довольно закончил: – Знаю я его!

– Вот он и подойдет. Заберет тебя на конюшни, скажете, что ты его дальний родственник из деревни, которого надо пристроить к делу...

– Туда? – Палец Крысюка указал на замок. До парня стало доходить.

– Да, – сразу оборвал Мерино. – Там тебя искать не будут, а синьор Вэнно мой хороший друг. Не трясись, слушай, что говорю. Если тебе что-то не нравится – ноги пока свои. Развернулся и ушел!

Крысюк поспешно кивнул.

– Так вот, там он к делу пристроит, за конями ходить, и никто тебя не найдет. Ты, главное, привычки свои забудь, не стащи чего. И не вздумай на будущее пути прикидывать – я уже вижу, как глазки заблестели. Твою жизнь спасаем, так что будь благодарен. Все, действуй!

– Да я никогда бы...

Но Мерино его уже не слушал, шагая к опущенным воротам замка.

С Алонсо Вэнно все прошло так, как и планировалось. Смотритель конюшен поворчал, похмурился и вскоре согласился принять на работу «дальнего родственника». «На пять дней, не больше, Мерино! А то знаю я твоих... кхм... знакомых!»

Заверив старого приятеля, что больше пяти дней и не понадобится, синьор Лик отправился обратно к рынку. У него еще оставалось дело, от выполнения которого отвлек мальчишка, посланный Крысюком.

---

⁸ Родовой зимний замок герцогов Фрейвелинга. Построен в 238 году от п. п. как зимняя резиденция герцогов. Город Сольфик Хун строился уже вокруг него.

⁹ Сольфик Хун обзаводился крепостными стенами по мере роста. Самая первая, внутренняя, окружает сам замок Инверино и его хозяйственные постройки.

Даже, по правде сказать, не дело – ритуал. Которого Мерино немного стыдился, за который ругал себя последними словами, но не пропускал весь последний год.

Дело в том, что раз в три дня ко второму звону храмового колокола¹⁰ на рынок у центральной городской площади приходила за свежей зеленью синьора Карла Тотти, вдова полковника от артиллерии, погибшего девять лет назад в битве при Игусе¹¹. Приходила с истинно военной точностью, как и положено вдове фрейского офицера, лишь только смолкали колокола. Бродила по рядам она около получаса, после чего возвращалась с покупками домой. И раз в несколько дней Мерино придумывал какое-нибудь пустяшное дело в районе рынка, ну, например, купить свежего мяса. Причем шел сам, а не посылал поваренка Гвидо, который занимался этим обычно. И совершенно случайно встречался с Карлой Тотти.

Они познакомились чуть больше года назад, у общих знакомых. Когда Карле представили Мерино, он, лишь раз взглянув в ее зеленые глаза, понял, что пропал. С точки зрения канонов красоты женщина была не более чем просто привлекательна: ярко-рыжие волосы, какие получаются, если в тебе есть заметная толика митриурийской¹² крови, большие глаза под сенью густых ресниц, аккуратный маленький нос и мягкие даже на вид, может, немного тонкие губы. Хорошая фигура, не худощавая, но и не массивная, – пожалуй, термин «женственная» подходил синьоре Тотти идеально. Но ее мимика, то, как она улыбалась и хмурилась, чистый искренний смех, а главное, глаза, в которых тонули все умные мысли и фразы и так-то не самого опытного в общении с противоположным полом мужчины, – все это делало ее в глазах синьора Лика настоящей красавицей.

Они несколько раз вместе обедали, встретившись, разумеется, совершенно случайно, однажды синьора Тотти даже заглянула в его остерию и отведала фирменного морского окуня, который ей очень понравился. Но дальше вежливой болтовни, не без приязни с обеих сторон, дело не шло. Мерино робел.

На исходе четвертого десятка он уже научился быть с собой честным, жизнь, что называется, заставила. С одной стороны, Мерино прекрасно понимал, что на самом деле происходит, и что его интерес к красивой вдове давно перестал быть просто дружеским, с другой – не знал, что делать дальше. Прослужив большую часть жизни государству, которого внезапно не стало, он имел крайне небольшой опыт отношений с женщинами – на них просто не хватало времени. Требуемую мужчине плотскую близость он предпочитал покупать за серебро. Да и, сказать по правде, не искал он отношений, выходящих за эти рамки. Благодаря чему теперь и находился в какой-то несвойственной ему нерешительности и плыл по течению, но довольно изобретательно находил поводы появляться на рынке за пятнадцать минут до второго звона, где с видом сосредоточенно занятости бродил по мясным рядам именно в том месте, где те смыкались с овощными.

В этот раз (чтоб Крысюку икалось все те дни, что он будет прятаться от городской стражи!) Мерино опоздал. Совсем чуть-чуть: он даже был уверен, что видел, как Карла с корзиной зелени на сгибе руки свернула на улицу, ведущую к дому. Догнать ее можно было довольно легко, но что при этом сказать? Это ведь не случайная встреча на рынке: «Доброе утро, Карла! Вы прекрасно выглядите сегодня! Новая шляпка? Очень вам идет! Давненько вы не заглядывали в мою остерию!» Это уже целенаправленное проявление интереса стареющего трактирщика к красивой женщине. А это, в свою очередь, значит...

---

¹⁰ Жрецы Единого проводят четыре дневные службы, оповещая о каждой из них колокольным звоном: первая – в шесть часов утра, вторая – в десять утра, третья – в два часа дня и четвертая – в шесть часов вечера. Ночные службы (также четыре) сопровождаются звоном малого храмового колокола, который слышно только в самом храме.

¹¹ Битва близ деревеньки Игус произошла в 775 году от п. п. между войсками Фрейвельгского дворянства, верного Императору Патрику I, и объединенными войсками Карфенака, Арендаля и Товизирона, Императора свергнувшими.

¹² Митриури (митриурийцы) – коренное население долины Рэя (центральные провинции бывшей Империи), на сегодняшний день практически полностью растворившееся в народах, населяющих территорию бывшей Империи.

Привычным волевым усилием Мерино остановил мысли, в которых, как два отряда тяжелой рыцарской конницы, сталкивались сомнения, с одной стороны, и желание хоть какой-то определенности – с другой. И переключился с воспоминаний о завитке непокорного рыжего локона за ухом синьоры Тотти на обдумывание новой информации, полученной от Крысюка. При определенной сноровке, которая есть результат частого повторения, сиречь, опыта, это давалось почти без труда, даже несмотря на предательски возникший образ лукавого веселья в зеленых глазах вдовы, которая будто смеялась над его душевной борьбой.

А подумать было о чем.

Самый первый и самый важный вопрос: стоит ли ввязываться в эти игры? Точнее, ввязаться-то он уже ввязался, но пока еще можно было остановиться на том, что уже сделано, на сокрытии старого и надежного осведомителя из сольфикхунского дна от городской стражи. И дальше не идти. Да какое, собственно, ему дело до ограбления корабела двора Ее Высочества? До бумаг, которые явно были целью бандитов! Это же политика, смердит за лигу, не стала бы городская стража перетряхивать весь город ради ерунды. А нужна ему, синьору Лику, добропорядочному горожанину, уважаемому человеку, такая радость? Эти тайны и интриги?! Да к демонам четвертой преисподней!

Конечно, называя себя добропорядочным горожанином, Мерино сильно лукавил. Праведник в нем так и не смог найти покоя после ухода в отставку со службы в Тайной страже¹³. Гончей¹⁴ был, гончей и остался. Купил трактир, но по-прежнему следил за внешней и внутренней политикой, собирал сведения от осведомителей криминального мира. И благодаря этому прекрасно понимал, что кража бумаг из дома корабела – совсем не рядовое событие. А если сложить все факты...

Факт первый. Корабел Беппе Три Пальца – известный мастер. Известный в основном тем, что довольно смело подходит к такому консервативному делу, как строительство кораблей. По его чертежам в прошлом году в Сольфик Хуне построили судно, пригодное к длительным морским путешествиям. Плавание в открытом море – шутка ли для страны, все морские пути которой, включая торговые, до недавнего времени проходили в видимости береговой линии!

Факт второй. После нескольких удачных проектов корабела, который в ту пору работал по заказам рыболовецких артелей и торговых домов, его заметил маркиз Йан Фрейланг, регент малолетней Великой герцогини и фактический правитель страны. С тех пор мастер работает только по заказам из Инверино. И все, кому надо, об этом знают.

Факт третий. Великое герцогство Фрейвельинг стоит на пороге большой войны. Северный сосед, королевство Скафил, страна мореходов и морских разбойников, угрожает морской торговле Фрейвельинга. По тавернам и остериям¹⁵ уже бродят разговоры о том, что следующей весной флот Ее Высочества вместе с союзниками ударит по Скафилю. Солдаты удачи, чуя наклеивающуюся работенку, стекаются в города.

И тут кто-то обносит дом корабела Беппе Три Пальца. И крадет какие-то бумаги. Скорее всего, чертежи нового судна, и – Единый свидетель – судна военного!

Выводы, господин бывший дознаватель? Ох, да какие тут выводы?! Все на поверхности лежит. И очень дурно пахнет государственными интересами.

– Не задалось утро-то! – пробурчал Праведник под нос, сворачивая с широкой улицы Святого Кипаги в узкий переулок Извозчиков – привычный путь к остерии на Ольховой. – И большая политика на горизонте показалось, и с Карлой не встретился...

---

¹³ Внутренняя контрразведка Империи Рэя. Распущена после распада Империи.

¹⁴ Неформальное название полевых сотрудников Тайной стражи. Вошло в обиход из-за любви учредителя службы – Императора Патрика к охотничьим и боевым породам собак. Сначала было обидным прозвищем, затем незаметно стало и внутренним названием.

¹⁵ Гостевой дом. Одна из разновидностей таверны со своими особенностями.

Ну что мешало Крысюку, демоны его побери, отправить мальчишку с весточкой на час позже! Никуда бы эти государственные дела не делись!

Retrospectare

24 августа 771 года

Праведник, дознаватель 2 ранга

имперской Тайной стражи

Окрестности города Оутембри, Империя Рэй

Щека прижата к прикладу арбалета, ладони потеют, а все тело затекло от долгой неподвижности. Пахнет сухим сеном и навозом. Сельская идиллия, чтоб ее!

Праведник ненавидел деревни, даром что сам вырос в глубинке. Но считал себя горожанином до мозга костей и не мыслил жизни без толчеи и шума. А тут – десяток дворов, полсотни людей, большинство которых сейчас потеет в полях с косами в руках, и проклятый сеновал, на крыше которого Мерино неподвижно лежит уже часа три! И одна надежда на то, что осведомитель из Оутембри не соврал и нападение на караван с золотом все же произойдет. Иначе все зря! Два месяца слежки, подкупов и угроз закончатся не славной победой над одним из боевых отрядов Гильдии воров и получением первого ранга, а пшиком, финансовыми растратами и неприятным разговором в допросном подвале.

«Ставка сделана! – оборвал себя дознаватель пока еще второго ранга. – Назад уже не повернуть, ничего не изменить! Так что лежим и молим Единого о чуде».

Гильдия воров – это нечто выходящее за рамки всего, что Праведник знал о преступниках. Жесткая организация с практически армейской дисциплиной, она появилась всего три года назад и сегодня уже запугала половину криминального мира Империи. Дерзкие ограбления, убийства, шпионаж – это обычные дела для преступников, но Гильдия воров действовала в тех сферах, в которые обычное отребье никогда не лезло: интриги аристократии, политические убийства, политические же секреты. Гильдия дошла до того, что открыто бросила вызов правящему дому. Когда император Патрик потребовал от Тайной стражи покончить с преступной организацией, вору распространили по городским рынкам листовки с типографским(!) текстом, содержащим прямой вызов престолу. Мерино до сих пор помнил фразу оттуда: «Если император считает, что с Гильдией нужно покончить, ему стоит знать, что и Гильдия может покончить с императором...»

Неслыханная дерзость для преступников! Немыслимая! Но, как показало время, Гильдия вполне серьезно подошла к реализации своих угроз. Начались нападения на казначейства, покушения – причём успешные! – на высшее дворянство. Когда в начале этого года боевой отряд воров напал на кортеж герцога Антуана де Брийе, перерезал всю охрану, а самого аристократа повесил на дереве, как обычного простолюдина, император взорвался.

Мерино был в числе доверенных лиц главы Тайной стражи барона Сантьяго да Гбра и присутствовал при разное, который император лично устроил его шефу.

– Я хочу их головы, Сантьяго! – рычал Патрик Первый. – Бери всех, кого считаешь нужным, любые средства, но добудь до конца года их головы! Иначе я возьму твою и твоих людей!

Никто не сомневался, что император так и поступит. Он, в конце концов, был урожденным герцогом Фрейвельинга, а там каждый в длинной колонне носителей имени славился крутым нравом и вспышками ярости.

Началась охота, которой Империя раньше не видела. И одна из облав должна была произойти здесь и сейчас.

То ли Единый услышал его молитвы, то ли осведомитель не соврал, но через десять минут Мерино увидел две крытые повозки Оутембрийского казначейства, неторопливо катящиеся по

пыльной дороге. Десяток охранников на лошадях окружал повозки с боков. На воинах не было цветов вольного города¹⁶, так что они походили на сопровождение обычного купца. Однако Гильдия воров знала о караване: значит, эта мера предосторожности, как и все прежние, себя не оправдала.

– Слава Тебе! – без звука, одними губами произнес Мерино, благодаря Единого за все, что привело его на эту дорогу. В тот же миг раздался пронзительный свист – и на караван напали.

Арбалетные болты выбили из седел четверых всадников. Их товарищи отреагировали с некоторой задержкой, которая стоила жизни еще двоим: их закололи короткими шпагами выскочившие, словно из-под земли, разбойники. Оставшиеся в живых охранники заорали, выхватили клинки и пистолы и кинулись на нападавших.

Те действительно выскочили из-под земли. Вырыли ямы вдоль тракта, спрятались в них, а помощники положили сверху каркас из веток, накрыв аккуратно срезанным дерном. Сидели там с утра, если не дольше, и никто из Тайной стражи об этом даже не подозревал. Больше десятка воров. Весь боевой отряд.

«Как хорошо, что я настоял на том, чтобы подойти к деревне скрытно, по одному и в крестьянской одежде! Иначе наблюдатель воров заметил бы!»

Мысль скользнула где-то на границе сознания, разум был занят оценкой боя:

...Стрелок воров успел взвести арбалет и теперь поднимает его, намереваясь ссадить еще одного охранника.

...Всадник стреляет из пистолы в лицо вору с копьем и рубит второго мечом по руке.

...Мерино стреляет в арбалетчика, и тот, получив болт в живот, падает обратно в яму, из которой вылез. Дознаватель хватается за ворот и быстро-быстро начинает взводить оружие.

...Из рощи, размахивая шпагами, вылетает группа из пяти человек, одетых крестьянами. Еще трое – второй засадный отряд Тайной стражи – бегут к месту сражения от коровника.

...Мерино крутит ворот... крутит головой – ищет наблюдателя воров, что подал сигнал.

...Падает с коня еще один стражник. Воров на ногах семь человек.

...Еще один стражник сползает на землю с болтом в боку.

...Мерино отбрасывает ворот и укладывает стрелу на ложе.

...От деревни к лесу мчится человек. Быстро и расчетливо.

...Пятерка дознавателей добегают до места схватки и практически сразу же приканчивают троих разбойников.

...Двое оставшихся стрелков-воров откидывают в сторону арбалеты и вытаскивают длинные ножи.

...Мерино стреляет убегающему в спину. Дистанция – около ста шагов. Болт попадает прямо в поясницу, и человек падает, истошно вереща.

...На месте сражения появляются еще трое дознавателей, и все очень быстро кончается. На коне остался только один стражник.

«Надеюсь, у этих дуболомов хватило ума оставить хоть кого-то в живых?» – подумал Мерино, вновь взводя арбалет. Еще не факт, что они накрыли всех, так что оружие должно быть готово.

С момента свиста прошла всего пара минут.

У «дуболомов», то есть коллег Мерино, дознавателей третьего и четвертого ранга, ума хватило. Когда он подошел к месту схватки, один из нападавших еще был жив. Однако широкая рубленая рана на ягодице говорила о том, что скоро раненый истечет кровью и отойдет в третью преисподнюю, где и положено находиться вора и убийцам. Мерино, не обращая

---

¹⁶ Город Оутембри, как и еще несколько городов, входящих в Оутембрийскую Лигу, имеет статус вольного города, дарованный лично императором.

внимания на бормочущего благодарности стражника и перепуганные глаза в смотровой щели повозки, опустил на колени рядом с разбойником.

– Меня называют Праведником, – сказал он умирающему. – Ты слышал обо мне?

Тот едва заметно кивнул и попытался изобразить уверенную бандитскую улыбочку («я тебя не боюсь, гончая!»)

– Я выбью твоей семье помощь магистрата, – продолжил Мерино. – У тебя ведь есть семья?

Выстрел, что называется, на звук. Догадка мелькнула в голове Мерино, как только его взгляд зацепился за аккуратно, явно женской рукой, заштопанный рукав кафтана бандита.

Еще один кивок, без улыбки. В глазах, которые видят смерть, мелькнул призрачный надежды.

– Ты расскажешь, как выйти на вашего куратора. Очень быстро и без утайки. А я дам слово, что сделаю то, о чем сказал. Годится?

– Третий дом от городской стены. Улица Ткачей. Зовут Марта. У нее двое. Один мой. Я тебе верю.

– Хорошо. Куратор?

– Вечерами сидит в «Сломанном колесе»... Зовут Энрико. Высокий, рыжий... Шрам от виска... прямо под глазом.

– Каждый вечер?

– Не знаю. Наверное... Марта?..

– Сделаю... – Мерино положил ладонь на грудь умирающего разбойника, ножом во второй руке полоснул по его горлу. – Засыпай.

Мерино оглядел своих людей. Те смотрели на него, в глазах недоверие и восхищение, смешанные в равных пропорциях. Они уже знали, какое магическое действие оказывает на вору репутация их командира, но вопрос «как?» до сих пор читался на лицах.

– Джул! – Дознаватель взглянул на одного из своих людей. – Сегодня найдешь эту Марту, останешься у нее, присмотришь, чтобы дружки мужа не порешили ее с малыши.

– Ты серьезно, Мерино?! – Джул был в группе новеньким, другие бы такого вопроса не задали. – Держать слово, данное этому отребью?

– Слово я дал себе, Джул. Исполни приказ. Остальные, прибрать здесь, трупы на телегу и в город. Надо еще этого Энрико взять.

Сцена вторая,

В которой Мерино соглашается взяться за дело, от которого нельзя отказаться. Также тут говорится о канцельере коронного сыска бароне да Гора, вышибале Бельке, гикоте Дэнизе и плохих предчувствиях.

3 октября 783 года от н. п.

Мерино Лик, наставник

Сольфик Хун, столица Великого герцогства Фрейвелинг

Лето 83-го в Сольфик Хуне выдалось на редкость холодным и дождливым. И, видимо, извиняясь за такую накладку, природа решила выдать немного тепла осенью. Причем не в первый месяц, который обычно был продолжением лета, а во второй, когда льют дожди, а вечерами с моря тянет стылым холодом. Пользуясь таким неожиданным подарком, славные жители Сольфик Хуна, особенно дамы, всю щеголяли в летних нарядах, в которых для любого мужчины особенно привлекательны открытые плечи и глубокие вырезы.

Неторопливо шагая от центральной части города до околотка, в котором располагался его дом и остерия, Мерино глядел по сторонам, наслаждаясь прекрасными видами. Он любил этот город: холодный зимой и плавящийся от жары летом. Любил сложенные из серого гранита стены оборонительных укреплений, белые домики с желтой черепицей, узкие улицы и широкие проспекты, парки и пустыри, величественные храмы и роскошные особняки дворян.

Промотавшись по всей бывшей Империи первую половину жизни, Мерино находил, что именно здесь живут самые приятные люди. И самые красивые женщины. Та часть его ума, что отвечала за анализ информации, конечно, выдавала другое заключение: в этом городе Мерино просто жил, не борясь ежечасно с врагами государства и не просчитывая каждый ход. Но в такой прекрасный день, пусть и немного омраченный полученной информацией и сорвавшейся встречей с синьорой Тотти, Праведник предпочитал не слушать внутренний голос. Пусть себе нудит на границе сознания! А мы будем смотреть на небо и солнечных зайчиков, привольно скачущих по красивым женщинам!

По мере приближения к Ольховой улице Мерино все чаще приходилось здороваться и отвечать на приветствия знакомых и соседей, спешащих на рынок или просто прогуливающих. За шесть лет он успел стать здесь своим. Человеком, который пользуется уважением. Причем уважением не за способность просчитать ситуацию, не за умение действовать жестко и эффективно, а за хорошую кухню, рассудительность и приятность в общении. Мерино находил, что для него это имеет довольно большое значение.

Остерия «Старый конь» стояла на Ольховой улице, прячась под кроной столетнего, если не старше, дерева. Ольхи, разумеется. Двухэтажное здание, на первом этаже которого было само заведение, а на втором – комнаты для гостей, спальни самого владельца и его слуг, располагалось прямо у небольшого мостика через крошечную речушку, скорее даже ручей. Местные жители, не мудрствуя, называли его Ольховый ручей. Чуть в стороне от входа в остерию пару лет назад Мерино построил летнюю веранду, столбы которой понемногу оплетал северный виноград. Рядом стояла коновязь, у которой топтался роскошный трехлетний жеребец ирианонской породы. На таком скакуне могли себе позволить передвигаться только очень состоятельные люди, потому как стоил он чуть меньше, чем годовой оборот остерии.

Мерино удивленно вскинул брови: сегодня он никого такого не ждал. И хотя понимал, кому мог принадлежать красивый жеребец, в душе шевельнулись нехорошие предчувствия. Вроде не было у того человека, о котором он подумал, повода появляться. Внутренне подбравшись, он решительно прошел к остерии.

На каменной скамье у входа в заведение, греясь в лучах по-летнему жаркого солнца, сидел, прикрыв глаза, мужчина. Его возраст приходился на тот неуловимый отрезок человеческой жизни, когда зрелость уже уступает место старости, но все еще борется. Худощавое морщинистое лицо говорило о непростой судьбе, жидкая борода почти не скрывала лица, да и на голове русые волосы уже начали редеть, теряя цвет. Его звали Бельк, и он был вышибалой при остерии. Не самым внушительным на вид при такой профессии, но вполне справлявшимся со своими обязанностями.

На коленях мужчины, столь же довольный погодой, лежал здоровенный пепельного окраса гикот¹⁷. Человек и зверь, заслышав приближение Мерино, одновременно приоткрыли глаза. Так, будто были одним существом в двух телах. В некотором роде так оно и было, мало кто мог объяснить связь, возникающую у человека и гикота. Глаза – водянисто-серые человека и огненно-рыжие зверя – оглядели хозяина остерии без интереса. Ну пришел, ну и что? Гикот закрыл глаза, вернувшись к неге и ничегонеделанию. Мужчина же едва заметно качнул головой на дверь:

– К вам гость, синьор Лик. С полчаса уже ждет.

«Синьор Лик» было произнесено с едва заметной издевкой, на которую Мерино привычно не обратил внимания. Слишком давно они с Бельком знали друг друга, за такое время можно привыкнуть к каждой шутке. Вот если бы ироническое поименование, которое Бельк всегда использовал на людях, куда-то пропало, Мерино бы обеспокоился.

– Кто?

– Щёголь. Один. Ждет в кабинете.

И, решив, что исчерпывающе описал ситуацию, мужчина закрыл глаза. Гикот потянулся, требуя внимания, и человек почесал его между ушами.

Мерино удивленно покачал головой (все-таки не ошибся, барон да Гора пожаловать изволили) и прошел внутрь.

Он уже шесть лет был владельцем остерии. Таверны, если угодно, хотя сам не находил это слово удачным. Таверна – это ведь еда и постель, вышибала на входе, гуляющие девки, цепляющие набравшихся клиентов, непременно драки каждый день, ну, или раз в неделю. Остерия – это гости. Каждому из которых хозяин рад. Они приходят поесть и поговорить, причем не всегда понятно, какая из этих двух потребностей важнее. О каждом госте хозяин знает все: где живет (как правило, неподалеку), что любит поесть (копченые ребрышки, синьор Полеро? Как всегда, без соуса?), что любит пить (вчера привезли келиарское темное, не желаете попробовать?) и о чем хочет поговорить (и не говори, Алсо, такие цены на специи – просто позор для нашего герцогства!) В таверне хозяин не более чем прислуга: приготовь, подай на стол да получи причитающиеся монеты. В остерии хозяин – глава клуба по интересам, знаток всех новостей, кладезь рецептов для окрестных хозяек и третейский судья в случае споров. Словом, уважаемый человек. А значит, несуетливый, немногословный и степенный.

Поэтому Мерино прежде пошел не к ожидающему его гостю, а на кухню, где выяснил у повара состояние дел. Затем направился в зал, в котором сидели лишь двое завсегдатаев из соседей, обменялся с ними парой фраз о погоде и только после этого вошел в отдельный кабинет. Таких в его заведении было три, и тот, на двери которого прибита бронзовая цифра «1», использовался для встреч, к делам остерии не имевших никакого отношения.

Человек, которого Бельк назвал щеголем, полностью соответствовал этому короткому и емкому описанию. Тончайшей выделки сапоги серой кожи, серые бархатные бриджи, того же цвета камзол, расшитый серебряными нитями в димаутрианском стиле, что в этом году вошел в моду. Море кружев: от воротника до запястий. Тонкие кисти рук, унизанные перстнями:

---

¹⁷ Редкая порода кошачьих. Считается, что признает за хозяина только одного человека. В Империи Рэя появилась после завоевательных походов на юго-востоке, в Димауте.

в одной висел кружевной же платок, вторая сжимала серебряный кубок. Худое и бледное лицо с тонкими чертами из тех, про которые доброжелатели говорят «породистое», а злопыхатели – «надменное». Непроницаемые черные глаза чуть прикрыты в приличествующей аристократу скуке. И завершение ансамбля, над которым наверняка работал с десятков человек, – широкополая шляпа с темно-красными перьями неизвестной Мерино птицы. Щеголь. Барон Бенедикт да Гбра, канцельер коронного сыска Ее Высочества Великой герцогини Фрейвелинга.

– Мое почтение, господин барон! – Мерино склонил голову. – Какая честь для моего заведения!

Аристократ окинул фигуру трактирщика ленивым взглядом. Рука с платком описала небольшой полукруг, разрешая войти и сесть.

– Ваш тон, синьор Лик, будто бы говорит об обратном, – голос барона был низким, глубоким и немного хрипловатым, опять же по последней моде в столице.

– Что вы, господин барон! Как вы могли подумать такое?! Я всегда рад принимать вас... – голос Мерино сочился таким количеством масла, что его хватило бы смазать все скрипящие двери города.

Но вдруг сделался сухим и сварливым:

– ...даже если маленький паршивец заходит так редко, что я начал забывать, как он выглядит!

Манеры барона мгновенно изменились, будто губкой провели по холсту, стирая одну картину и открывая другую. От ленивой изнеженности и вальяжности не осталось и следа, глаза весело блеснули, а из голоса исчезла модная хрипотца.

– Мерино, я ведь важный государственный служащий! По-твоему, мне так просто вырваться?

– От замка пешком идти десять минут!

– Ты считаешь, что я все время провожу в Инверино?

– А на что еще может быть способен изнеженный юноша дворянского рода?

– Мне двадцать два года!

– И где я ошибся?

– В изнеженности! Я этот образ называю «щёголь»!

– Бельк так про тебя и сказал. Говорит он, как ты знаешь, мало, но всегда точен в формулировках.

– Как дела у старого душегуба?

– Разве ты не говорил с ним?

– Дворянин, беседующий с трактирным вышибалой, – это ни в какие ворота!

– Ну, хоть каплю здравого смысла я вбил в эту аристократическую голову!

– А также научил парочке грязных трюков со шпагой!

– Иначе ты бы не смог спокойно ходить по городу со всеми этими перстнями.

– Я правда скучал, Мерино.

– Я тоже, мой мальчик. И прекрасно знаю, как ты занят. – Мерино налил себе вина, тронул краем кружки бокал барона. – Но имеет право старый человек поворчать на радостях. Даже если и понимает, что ты пришел по делу.

Бенедикт кивнул. Они с Мерино знали друг друга довольно давно и, общаясь без свидетелей, опускали сословные нормы поведения. Да и вообще не видели причин соблюдать правила приличия, по которым оба собеседника часами ходят с разговорами вокруг да около.

– Ограбление корабела Беппе Три Пальца...

– Украл чертежи¹⁸ нового судна?

---

¹⁸ Здесь под чертежами понимаются наброски, сделанные мастером на бумаге, а не та объемная нормативная документация, которую представляет современный читатель. Скорее эскизы с подписями и пояснениями, чем чертежи.

– Демоны, Мерино! Ты уже в курсе?!

– Когда-то я был очень неплох в своей работе, – с деланой скромностью улыбнулся трактирщик.

Барон хохотнул – грубо и искренне, что совершенно не вязалось с его образом. Так развязно мог вести себя лейтенант наемников, бретер, наконец, но никак не благородный человек.

– Но как ты догадался? А! Аресты пыльников, которые проводит стража!

– Не только, но да! Бенито, я надеюсь, эти аресты не твоя инициатива?

– Конечно нет! Проклятый идиот Бронзино! В чью светлую голову пришла идея сделать едва получившего дворянство солдафона начальником сольфикхунской стражи?!

– Твоему покровителю маркизу Фрейлангу. И Бронзино не так плох, просто слишком стремится доказать, что хорош. К тому же тебе ли рассуждать о солдафонах и дворянстве?

Бенедикт развел руками, мол, поймал. Его отец тоже был первым носителем баронского титула, получив его за верную службу от своего сюзерена.

– Что за судно-то хоть?

Да Гора немного замешкался при ответе. И Мерино прекрасно понял, что послужило причиной: с одной стороны – секретные сведения и ввевшаяся привычка про такое помалкивать, с другой стороны – старый наставник, которому Бенедикт доверял как себе, если не больше. Впрочем, все произошло так быстро, что даже не возникло паузы.

– Три Пальца называет его «кьята». Большой и быстрый корабль для перевозки через море чего угодно. Товаров, войск. Никто пока особо не верит, что из чертежей способно родиться сразу и большое, и быстрое судно...

Барон замолчал, реплика не требовала завершения. Верили ли в проект талантливого корабеля или нет, а желания проверять, сможет ли кто-то из соседних государств построить судно по чертежам, ни у кого не возникало.

– Расскажи, как обнесли дом корабеля, – попросил Мерино.

– Как вышло, что ты не знаешь? – попытался сыронизировать да Гора, но, поймав серьезный взгляд трактирщика, поднял руки в капитуляции: – Понял, понял, никаких шуточек!

Дом корабеля, по словам барона, обокрали очень профессионально. Воры, по всей вероятности, некоторое время следили за Беппе Три Пальца, изучая его привычки, и для проникновения выбрали один из небольших промежутков времени, когда старый мастер выходил за едой в ближайшую лавку: экономки не было, а сам он не готовил. Буквально за несколько минут, что корабель отсутствовал, воры пробрались в дом через дверь (замок там ерунда, мнэто на минуту делов!), зная при этом, где что лежит, взяли папку и скрылись. Никто из соседей старого мастера ничего не видел, сами воры никаких следов не оставили. Беппе еще около часа потратил на поиски папки, решив, что сам куда-то положил ее да забыл. Потом, конечно, вызвал стражу...

– В общем, ни следов, ни подозреваемых! – закончил да Гора.

Мерино сделал маленький глоток вина.

– Ясно... Послушай, все хотел спросить, да повода не было. А как вышло, что личный, фактически, корабель двора Ее Высочества живет и трудится не при замке? Все-таки не рыбацкие баркасы строит.

Барон махнул рукой.

– Гений он, понимаешь? Работается ему только дома, людей на дух не переносит, чинов и происхождения не признает! Фрейланг его как-то попросил выбрать место для работы в Инверино, ну а он господина маркиза так отчитал с использованием морской лексики, что вопрос более не поднимался. Другой бы уже к вечеру на виселице болтался, но тут особый случай. При всех его недостатках, корабли старик создает такие, будто ему Единый в ухо шепчет! Приходится терпеть...

– А сейчас он где?

– В замке. Маркиз плюнул на все и силой вывез его из дома. Сейчас апартаменты обу-
страивают в восточном крыле, с видом на море. А он ругается благим матом, не понимает, что
его могли и прирезать, и похитить.

Мерино отставил бокал и, глядя барону в глаза, спросил:

– А чего ты хочешь от меня, Бенито? Посоветоваться или...

Да Гора ответил таким же прямым взглядом.

– Или. Но если не удастся уговорить помочь, то хотя бы посоветоваться.

– А что твой коронный сыск? Я, знаешь ли, в отставке.

Мужчины сдержанно, с пониманием улыбнулись сказанному, как шутке, которой много
лет, но она по-прежнему не потеряла жизненности.

– У них нет того, что есть у тебя. Мне не хватает опыта, в голове по большому счету
только теория. К тому же не ты ли меня учил использовать людей, которые умнее, если самому
ума не хватает?

– Молодой был, наговорил, теперь расхлебывай! – улыбнулся трактирщик. Слова воспи-
танника были ему приятны.

– И потом, я ведь знаю, что Праведник не забыл старые привычки и у него до сих пор
половина городского дна на содержании.

– Скажешь тоже, на содержании! Откуда у меня столько денег? И что это за преступ-
ный сленг, мальчишка? Кого это ты назвал Праведником?! Давненько не совершал пробежек
с мешком песка на спине?

– Ах, простите, синьор Лик! Уж не знаю, что дернуло меня за язык!

Мерино сделал еще глоток, беря паузу. Покатал вино во рту, мысленно сделал пометку
взять у поставщика, фермера из предместий Сольфик Хуна, еще пару бочонков. Хорошее вино,
легкое, с чистым вкусом северного винограда. Такого можно выпить хоть бутылку, хоть две, и не
сильно захмелеешь. Мальчишке, как он до сих пор по привычке называл барона, надо помочь.
Бывших сыскарей не бывает, и Мерино действительно поддерживал отношения с криминаль-
ным миром столицы. И не только столицы.

После ухода из Тайной имперской стражи дознаватель Мерино Лик, получивший от пре-
ступников прозвище Праведник, думал заняться остерией и встретить старость так, как меч-
тало большинство его коллег: в тепле собственного заведения, в сытости и, по возможности, с
умной женщиной. Получилось только купить таверну и переделать ее в остерию. Умной жен-
щины как-то не нашлось, попадались только красивые, а тепло и сытость собственного дела
навели на постаревшую ищейку скуку и уныние. Да так, что он даже пить начал. И вовсе не
легкое северное вино.

Спасти удалось благодаря старой службе, вернее, навыкам и умениям, полученным там.
Ольховый мост, подле которого стояла остерия «Старый конь», местом слыл тихим и спокой-
ным. Но, как и везде, случалось. Видимо, из-за уединённого расположения, а значит, отсут-
ствия свидетелей как-то раз там сошлись в разборке две банды пыльников. И выбежавшие на
шум драки Мерино и Бельк выяснили, что знают жоака одной из банд – сводили уже дороги
жизни. А вот тот узнал Праведника не сразу – все же несколько лет прошло. Бельку даже при-
шлось одного горячего подручного жоака спустить в речушку охладиться. И тогда они вспом-
нили. И Праведника, который всегда держит слово, и Белька, который очень мало разговари-
вает, но очень быстро двигается.

Мерино тогда выступил посредником в споре двух банд. Головорезы чуть было не
пустили друг другу кровь из-за сущего пустяка, требовалось всего-то поговорить. И получить
гарантии. А с тем и другим у лихих людей всегда было плохо. Не верили они друг другу. А
Праведнику поверили. Дело закончилось без крови, ну, почти без крови, Бельку все же при-
шлось разбить нос одному молокососу.

И владелец остерии неожиданно для себя стал посредником. Хоть у городских бандитов был собственный свод правил, за соблюдением которого следили «старшие», спорные вопросы по нему решались сложно. Поставленные бандитским сообществом следить за порядком частенько были пристрастны, а Мерино оставался в стороне от дел, да и про его знакомства бандиты хорошо знали. В общем, идеальная кандидатура на роль медиатора¹⁹ преступного мира.

В остерию стали приходить люди с Пыльной улицы. Спорить и договариваться. О территории. О вине за убитых. О том, как быть с приезжими. Разные вопросы решались в первом из трех уединенных кабинетов остерии «Старый конь». Сюда глава преступного клана мог прийти без охраны, одетый как преуспевающий купец, заказать вина и закусок и в спокойной обстановке выслушать предложение конкурента. Заключенные таким образом договоренности скреплял Мерино, получая небольшой процент от сделки. Он же гарантировал безопасность.

Поначалу не все было гладко. Какая-то молодая банда попыталась остерию сжечь. Показать, что плевать они хотели на посредников и на договоренности. Что сила ломит слова. Самих поджигателей, троих совсем еще детей, на месте убил Бельк. Большую часть банды покروшили конкуренты. Преступники тоже любят спокойствие и предсказуемость, а остерия Мерино нужна была им едва ли не больше, чем самому Мерино. Остатки банды пытались бежать из города, но их в два дня выловила городская стража. Есть свои преимущества в том, чтобы быть воспитателем некоего барона, который сегодня ведает коронной службой дознания и напрямую командует стражей.

Больше пыльники таких глупостей не делали.

К преступному миру Мерино относился спокойно. Его существование неизбежно, ибо такова природа людей: отнимать у слабого, обманывать глупого, разводить жалостливого. Еще в Тайной страже он выработал умение считать преступников за людей. Ведь их жизнью руководят те же потребности, что и у всех: богатство, власть, тщеславие, стремление к собственной безопасности. Дергай за эти ниточки своевременно и с умом – и получишь то, чего желаешь. Жизнь городского дна всегда бурлила в котле страстей и желаний, порой выплескивая трупы. Так что бороться с этим варевом смысла было столько же, сколько пытаться переделать человеческую природу. А вот держать огонь под котлом ровным, не доводя до кипения, по мнению Мерино, было возможно. И он занимался этим уже несколько лет. На чем имел неплохой доход.

В конце концов, организованная преступность тем и хороша, что она организованная.

– Давай начнем с совета, Бенито, – наконец заговорил Мерино. – Ты уже приставил слежку к посольству Скафила?

Да Гора кивнул.

– За каждым сотрудником. Кроме того, пустил по Пыльной улице информацию о вознаграждении даже за слух о приезжих ворах. Заблокировал отправку сообщений голубиной почтой. Поставил наблюдателей в порту.

– Хорошо. Еще бы местных пыльников отпустить, тех, кого уже по подвалам расселили. Тогда может сработать и вознаграждение.

– Кстати, да. Упустил. Это сделает их сговорчивее.

– А информация от твоих шпионов? Активность ребят Скафила? И Скафил ли это?

– Первым делом грешим на Скафил. Им это максимально выгодно. Хотя я понимаю, что это может быть кто угодно: хорошее судно нужно каждому. Сейчас в политике все решает море. Но подозревать всех – не подозревать никого. Что до скафильских шпионов... Ну ты же не хуже меня знаешь, как у них все устроено!

Трактирщик кивнул. Скафильская разведка хорошо себя показывала только на поле боя, когда надо было обнаружить засадные полки неприятеля или еще какие военные хитрости.

---

¹⁹ Медиаторэ – посредник.

В мирной жизни, а особенно в политической, шпионы северного соседа были полным нулем. Отчего так происходило, непонятно: то ли правительство морского государства не считало нужным тратить деньги на внешнюю разведку, то ли это происходило по причине общей безалаберности скафилльцев. Но факт оставался фактом: ни одной внятной разведывательной или шпионской акцией (силовые не в счет) северные рыцари плаща и кинжала похвастать не могли.

Бенедикт ненадолго задумался, затем выдал:

– Карфенак еще может.

Мерино с сомнением покачал головой:

– Святоши²⁰? Но какие у них интересы здесь?

– У этих ребят везде интересы, тебе ли удивляться. Приоритет для них, конечно, Восток²¹, но я бы их со счетов не сбрасывал. Всегда себе на уме. Их политику и ее завихрения мы практически не можем предсказать. Слишком много слоев в этом пироге.

– Ну, может быть... Хотя – в чем выгода?

Повисло молчание. Не неловкое, а то, что бывает между очень хорошими друзьями. В общем зале остерии кто-то засмеялся над неслышной в кабинете шуткой.

– Я попытаюсь помочь, Бенито, – наконец прервал тишину Мерино. – Еще не очень понимаю как, но постараюсь.

– Спасибо. Ты не представляешь, как мне нужен твой ум, Мерино.

– Ну почему же не представляю... – Мужчины улыбнулись. Затем барон одним долгим глотком допил вино (в этом жесте Мерино наконец увидел усталость воспитанника, которую тот вполне успешно прятал на протяжении всей беседы), поднялся и как-то незаметно восстановил образ щеголя.

Бросил от дверей:

– Известите меня о результатах, синьор Лик!

– Всенепременнейше, ваша светлость! – угодливо ответил трактирщик. – Позвольте, я провожу вас!

– Оставьте, милейший.

Барон щелчком пальца отправил в руки Мерино серебряный сюто и вышел. Смеясь про себя, но сохраняя на лице угодливое выражение, Мерино сунул монету в кошель.

«Хорош!» – с отцовской гордостью подумал он.

Retrospectare

13 октября 771 года

Праведник, дознаватель 2 ранга

Корчма «Красное дерево», город Февер Фесте, столица Империи Рэя

Вечером первого дня по приезде в столицу Мерино сидел за столиком в углу своего любимого заведения с названием «Красное дерево» и пил вино. Как всегда после возвращения с очередного задания оно не пьянило, но дознаватель упрямо глушил стакан за стаканом в надежде, что количество рано или поздно перейдет в качество. Люди его отряда, опрокинув с ним по паре стаканов, разбрелись по городу в поисках своих способов избавиться от накопившейся усталости.

---

²⁰ Провинция Карфенак длительное время являлась настоящим фронтиром Империи Рэя, защищая восточные территории от набегов воинственных соседей. Для укрепления границы там было создано множество военно-монашеских орденов, которые в новейшее время стали монастырями. Из-за большого количества служителей Церкви Единого на небольшой территории провинции Карфенак стал духовным центром Империи, там же со временем основался и Архипрелатский престол. Отсюда и происходит название для выходцев из Карфенака – «святоши».

²¹ Здесь под словом Восток следует понимать государства, расположенные к востоку от границ бывшей Империи Рэя.

На душе было пасмурно, как и на улице. Мелкий, нудный дождь зарядил, наверное, за неделю до его приезда, превратив город в воняющее сточными канавами болото. Что там говорили про новейшую систему водоотведения? Ну, про ту, о которой еще писали в новостном листке столицы «Вечернем Февер Фесте»²². Дескать, келлиарец Амос Жерак создал такую систему сбора и удаления лишней воды с улиц, что столице не повредит даже самый сильный ливень. По всему выходило, что те огромные деньги, которые на это дело были выделены городской канселией, до дела не дошли. Осели в мошне особо нуждающегося. Да и плевать! Зато внутреннее состояние в полной гармонии с внешним миром.

В голове безостановочно крутились обрывки образов: событий, людей, красок и запахов. Вот куратор Гильдии воров Энрико удивленно смотрит на окруживших его людей, вот сверканье стали на заднем дворе таверны, взрыв красного – брызги крови одного из его людей, в которого попала пуля, выпущенная из пистолита. Лицо начальника городской стражи Оутембри, когда он приехал арестовывать гуляк за беспорядки, но ему в нос ткнули бумагой с печатью шефа Тайной стражи, начинавшейся со слов «Предъявителю сего оказывать всяческое содействие и не чинить препятствий». Вот тяжелое дыхание Фомы и смрад его внутренностей, вывалившихся на грязную землю. Вопль, в котором нет ничего человеческого, только боль и безысходность, и Праведник с каменным лицом и окровавленными руками, продолжающий монотонно задавать вопросы. Вот... Ох, как много всего этого было за последние три месяца охоты на Гильдию воров!

Стараясь отвлечься от тяжелых мыслей и воспоминаний, упрямо возвращающих Мерино на узкие улицы вольного города Оутембри, он переключился на женщин. Способ, проверенный и отшлифованный десятком применений. Надо выбрать двух гуляющих и мысленно сравнивать их. Очень просто и действенно.

В «Красном дереве» сегодня отдыхали от работы Марина и Люсия. Дамы довольно дорогие, ищущие клиентов в совершенно других районах города. А живущие неподалеку.

Марина – статная светловолосая северянка, не так давно перебравшаяся из Табрана. Лет двадцать пять, правильные черты лица, мягкие губы, голубые глаза. Тяжелая грудь под белой блузой и длинная юбка, скрывающая стройные сильные ноги. Пять сюто. И безразличное молчание после отработанных денег.

Люсия, напротив, невысокая, скорее даже маленькая, черноволосая смуглянка откуда-то из арендальской провинции. Вряд ли больше двадцати лет. Круглое личико, огромные карие глаза с пушистыми ресницами, довольно большой рот, почти всегда чуть улыбающийся. Большое родимое пятно под ухом на шее. Те же пять сюто и щебетание, которое можно прервать только одним способом.

Обе, хоть сегодня и не работают, а это отчетливо видно по тому, что девушки выбрали дальний столик и как скромно оделись, вполне способны откликнуться на его предложение. Хоть обе, хоть по отдельности. Проверено. Но способны ли они изгнать из Мерино тот мерзкий ком сожалений и усталости, что угнездился сейчас где-то между грудиной и горлом?

Подсевшего к нему за столик человека Праведник сперва принял за первое проявление опьянения – настолько тот был не к месту в этой дешевой корчме с дешевой едой и кислым, но убойным по крепости вином.

Дворянский камзол рыжего цвета с белоснежным воротником сидел на мужчине безукоризненно. Крупный, из серебра, символ веры²³ висел прямо под самым гладко выбритым подбородком. Длинные смоляные усы ухожены и завиты щипцами, тонкий нос с хищными крыльями, один глаз скрыт черной повязкой, второй остро глядит на Мерино и тоже черен(!),

---

²² «Вечерний Февер Фесте» – прообраз газет в том виде, что нам известны. За счет городской казны на весь город печаталось не более двух сотен экземпляров, которые развозили по питейным заведениям, где их зачитывали для других те, кто умел читать.

²³ Круглый медальон с изображением стилизованного под крест меча.

широкополая шляпа с очень длинным пером, прячущая собранные в хвост волосы: карфенакский кавальер²⁴ ни дать ни взять! Такие выпивают в совсем других местах, где вино стоит дороже, чем жизнь каждого отдельного посетителя «Красного дерева». Это Мерино и сообщил видению:

– А вы не ошиблись улицей, отец колонель²⁵?

– Никогда не служил в армии, – тут же отреагировало видение. – Да и сейчас состою на гражданской службе, в некоторой степени схожей с вашей, синьор Лик.

– Вот как, – безо всякого удивления кивнул Мерино. Чего-то подобного следовало ждать. – И как же вас зовут? Мое-то имя, я смотрю, вам известно.

– Гвидо ди Одетарэ, кавальер, к вашим услугам, – чуть наклонил голову мужчина. – Вы же не против недолгой беседы, синьор Лик?

– Против, конечно, но вы же плевать хотели на мое мнение, – усмехнулся Мерино и залпом допил остатки вина из очередной кружки.

– Я бы выразился тоньше, но, по сути, вы правы. Плевать! – Кавальер позволил себе легкую улыбку. У него было приятное, вызывающее доверие лицо. Именно поэтому верить ему не стоило. – Этот разговор несколько важнее, чем ваши или мои желания. В зависимости от того, как мы его завершим...

– Я выйду отсюда своими ногами или буду вынесен в виде трупа, – закончил за него дознаватель.

– Грубость и емкость формулировок – ваш конек! – Снова улыбка.

– Говорите с чем пришли, раз все так серьезно. – Мерино откинулся на спинку стула, незаметно опуская одну руку к сапогу и спрятанной там фальке²⁶.

Визитер же, напротив, положил ладони на стол, как бы подчеркивая свою миролюбивость. Впрочем, Мерино сомневался, что тот пришел один и сам будет делать грязную работу.

– Я думаю, вам известна причина нашей встречи, синьор Лик. Вы ведете расследование по делу Гильдии воров. Вернее, вы его уже практически закончили и даже сделали выводы. А мне известны эти выводы.

– И? – Лево́й рукой дознаватель поднял кружку и глотнул вина. Рука с ножом лежала на бедре, пряча клинок за кистью.

– И мне не хочется, чтобы вы озвучивали их своему начальнику, к которому приехали на доклад.

– Вот как? Уж не потому ли, что в тех выводах многократно упоминается фамилия...

– Да, именно поэтому! – дворянин резко перебил Мерино злым шёпотом. – Не стоит упоминать имена и названия! Особенно здесь, где каждый может услышать!

– А при покладистости меня ждет хорошее вознаграждение, синьор Одетарэ? – Словно не заметив резкости собеседника, Мерино сделал еще один укол. Он намеренно опустил дворянскую приставку родового имени собеседника, карфенакская аристократия крайне щепетильна в этих вопросах. Укол попал в цель. Щека кавальера едва заметно дернулась от подавляемого гнева. В драке или в разговоре Мерино придерживался простого принципа: сперва выведи противника из душевного равновесия, а уж потом бей.

– Конечно, – тем не менее спокойным голосом ответил дворянин. – Вексель на пять империалов²⁷ мне кажется очень достойной платой за благоразумие.

---

²⁴ В Карфенаке дворянские звания отличаются от общепринятых в Империи Рэя. Кавальер – аналог рыцаря. Подробнее см. «Статуты».

²⁵ Воинское звание в армии Карфенака, соответствует званию командира полка.

²⁶ Длинный нож с лезвием, загнутым внутрь. Часто используется кавалеристами для извлечения камней из подков.

²⁷ Империял – денежная мера, обозначающая большой золотой слиток. Не имеющая хождения в вещественном воплощении финансовая единица; используется в расчетах между торговыми домами, провинциями и налоговой сфере. Пять империялов соответствуют 5 тысячам золотых ори.

– Пять импералов? – сделал вид, что ослышался, дознаватель. – Целых пять импералов за молчание о заговоре Карф... кхм... сами знаете кого против императора?

– А вы оцениваете это в бóльшую сумму? – Дворянин поднял бровь. – Назовите ее! У меня весьма широкие полномочия в области финансов!

– Дайте подумать! – Мерино в раздумьях покрутил пустую кружку на столе. – Может, пятьдесят импералов?

– А унесете? – усмехнулся ди Одетарэ.

Дознаватель подобрался. Он прекрасно понимал, что весь этот разговор не более чем попытка усыпить его бдительность, и с самого начала бросал короткие, но очень выразительные взгляды и жесты по сторонам. И вот теперь беседа подходила к концу.

– А чего ж не унести-то в векселях? Что пять, что пятьдесят – в карман войдут одинаково²⁸.

– Согласен! – Лицо кавальера осветила еще одна улыбка, на этот раз довольная. Разговор явно складывался так, как ему хотелось. – Но это все-таки большая сумма, как вы понимаете, синьор Лик, я не держу при себе таких сумм. Это было бы неблагоприятно!

– Прекрасно понимаю, синьор Одетарэ! Мы должны встретиться еще раз, чтобы вы оплатили мое предательство?

– Как я уже говорил, вы умеете очень емко выражать мысли. Хоть и грубо.

– Ну, я благородные речи вести не обучен, куда мне до такой дворянской обходительности, как у вас. – Пришло время заканчивать этот разговор, и Мерино поднялся. – Но оставим это. Вы были довольно честны и открыты, я это ценю. Поэтому – честность за честность. Вам не показалось странным, что для вечернего отдыха я выбрал именно это место?

Кавальер огляделся по сторонам, словно впервые увидел заведение, в которое пришел. Выдал направлением взгляда своих людей, их расположение. Заметил, как нехорошо группируются вокруг них местные головорезы. Как близко к их столу стоят люди, которых совсем недавно тут не было.

– Показалось, – наконец выдал он.

– Я вам объясню причину. Дело в том, что здесь собирается очень много людей, которые должны мне. Услугу, а часто и не одну. Кого-то я спас от виселицы, кого-то – от карточных долгов, за кого-то замолвил слово перед конкурентами. Бандиты ценят такое, а я гончая, которая работает именно с бандитами. Так что каждый из этих не самых законопослушных людей считает своим долгом помочь мне, если потребуется. Другими словами, я прихожу в эту грязную клоаку вовсе не потому, что люблю местную кухню или выпивку. Просто это одно из немногих мест в столице, где я практически в полной безопасности от таких, как вы. Посмотрите, сколько здесь моих людей. А скольких привели сюда вы?

Лицо дворянина мрачнело с каждым произнесенным Мерино словом. Он уже понял, что проиграл.

– Троих.

– Что ж, думаю, у них еще есть шанс спокойно допить пиво и уйти. Как и у вас. Что скажете?

– И вы просто дадите мне уйти?

– Нет, конечно, не просто. Вексель на пять импералов все же придется оставить на столе, он-то у вас с собой. Я приму его как плату за попытку воспрепятствовать имперскому правосудию путем подкупа должностного лица.

Щека у кавальера дернулась отчетливей, и когда он заговорил, в голосе явственно звучали нотки сдерживаемой ярости.

---

²⁸ Векселя в Империи Рэя имеют хождение в виде свитков из пергамента размером в развернутом виде не более ладони взрослого мужчины.

– Хорошо, синьор Лик. Эта партия за вами. Вексель вы, конечно, можете взять. Но запомните, сейчас вы совершили ошибку. Не стоило заводить такого врага!

– Ох, не начинайте, синьор Одетарэ, не я сел за ваш стол...

– Ди Одетарэ! – рявкнул кавальер, в конце концов сорвавшись. Резко поднялся и, бросив на стол пергаментный свиток векселя, зашагал к выходу, дав знак своим людям идти следом. Мерино, в свою очередь, пару раз кивнул, давая понять посетителям корчмы, что все в порядке и убивать вспыльчивого господина не нужно, поднял со стола вексель и развернул его. Пять импералов на предъявителя. Он найдет им применение.

Выпив еще одну кружку вина, Праведник еще долгое время сидел молча, глядя в одну точку. Наконец поднялся и, слегка пошатываясь, направился к столику, за которым устроились Марина и Люсия.

Сцена третья,

в которой Мерино рассуждает и готовит морского окуня с южными травами. Здесь также присутствует экскурс в новейшую историю Империи, упоминаются взаимоотношения провинций и ищутся мотивы

3 октября 783 года от н. п.

Мерино Лик, кабатчик

Сольфик Хун

После ухода кансильера коронного сыска Мерино еще некоторое время оставался в кабинете. Просто сидел, не размышляя и не пытаясь сложить головоломку, в которую барон подбросил новых деталей. Спроси его сейчас, о чем он думает, – не смог бы внятно ответить. Обо всем и ни о чем. Мысли плавно перетекали с цен на мясо к встрече с Крысюком, затем к надвигающимся разборкам между двумя молодыми бандами пыльников, с которыми не мешало бы устроить встречу и объяснить, что кровью дело, конечно, решится, только не будет у него никакого будущего. Затем, без всякого перехода, в мыслях мужчины возник образ вдовы Тотти, а с ним неоформленное решение, что нужно что-то делать. На уровне рефлекса эти мысли были изгнаны в самый дальний угол мозга с осязаемой самоиронией: какой, дескать, ты типичный мужчина, Мерино Лик, чуть дело доходит до женщин – и куда девается весь жизненный опыт?.. Налоги на землю, которые платить уже через два месяца; необходимость найти хорошего повара, желательного знакомого с димаутрианской кухней, она сейчас на пике моды у состоятельных людей; куда пристроить мальчишку-беспризорника Гвидо, которого он взял поваренком – да так парень и прижился, третий год уж пошел; необходимость самому съездить в деревню к поставщику вина и обговорить с ним особые условия...

Ровный ход мыслей Мерино прервался на чертежах корабля со странным названием «кьята». Почему-то тот представлялся ему как огромный галеас с пятью рядами весел, мощным парусным оснащением и фигурой грудастой женщины под бушпритом, у которой (опять?!) было лицо Карлы Тотти. Это видение одновременно насмешило и разозлило трактирщика.

– Нет, с этим действительно нужно что-то делать! – пробормотал он себе под нос. – Как мальчишка, чтоб тебя!.. Скоро сны непристойные сниться начнут...

И Мерино взялся за дело. Правда, оно было никак не связано с синьорой Тотти. Покинув кабинет, он через общий зал направился на кухню, где тщательно вымыл руки с настоем мыльного корня и сообщил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Готовим морского окуня с лимоном и южными травами!

Повар, усатый и носатый келиарец Фабио, и поваренок Гвидо оторвались от своих дел (чем уж там они занимались, Мерино не заметил), и Фабио спросил:

– Заказ? Или...

– Или! – отрезал Мерино. И добавил чуть мягче: – Для себя готовим. Подумать надо.

Повар и Гвидо практически синхронно кивнули, и на кухне, без суеты и лишних движений, началось «таинство приготовления пищи для души», как это называл сам Мерино. Фабио отправился в ледник за рыбой, а Гвидо – на улицу за дровами для печи. По возвращении поваренок принялся аккуратно раскладывать на столе посуду, ножи и другие необходимые для готовки предметы.

Была у Мерино такая методика обдумывания сложных вопросов – готовка. Пока руки работали с продуктами, голова трактирщика составляла удобный для пользования каталог фактов и сведений. Он научился этому еще в юности, задолго до того момента, когда смышленного паренька заметил дознаватель из Тайного имперского сыска.

Рано потеряв родителей в результате рейда пиратов морского народа, Мерино воспитывался при храме. Оценив живость ума и постоянное желание учиться, монахи приставили его помощником к хранителю библиотеки. Вначале он до слез злился, пытаясь найти тот или иной свиток или книгу на стеллажах, уходящих, как ему тогда казалось, в бесконечность сухого и полутемного подвала храма. И хотя наставник рассказывал о каталогах, о том, как все организовано, он не мог понять, почему книги про деяния пророков лежат на полках рядом с Вторжением с Севера²⁹. Когда же наконец до парнишки дошел принцип, которым руководствовались монахи, храня реликвии прошлого, библиотека стала абсолютно понятной, и он начал ориентироваться в ней как рыба в воде, порой вызывая замешательство у своего наставника скоростью, с которой находил нужные книги. Со временем, уже в Тайном сыске, Мерино разработал свою систему хранения в голове фактов и воспоминаний, что сделало его одним из лучших дознавателей. А уйдя на покой, Мерино обнаружил, что лучше всего думается во время готовки. Правда, иногда, увлекшись размышлениями, он вместо запланированного блюда получал нечто совершенно несъедобное. Поэтому данный метод следовало использовать только на собственном обеде.

Острый нож шинковал зелень, двигаясь так быстро, что за ним почти не удавалось уследить, но Мерино и не смотрел на руки. В голове ряд за рядом выстраивались стеллажи его личного архива. От входа (чуть пригнуть голову – низкая арка прохода!) свернуть направо. Налево располагались стеллажи с личными делами людей, а вот по правую руку – как раз события масштабные. Внешняя и внутренняя политика Империи Рэя с колониями и дальними странами, представляющими интерес для этой самой политики.

Украденные чертежи у Фрейвельинга – это только следствие. Очередная строчка в бесконечной летописи внешней и внутренней политики Великого герцогства. И летопись ведь не сама по себе, а как часть узора событий бывшей Империи. У которой история такая, что, будь он, Мерино, хронистом, написал бы с десятков книг. Но если смотреть только на последние годы, можно вычленив интересные взаимосвязи...

Далеко ходить не нужно – второй ряд стеллажей. Добротных, массивных, деревянных, с четырьмя полками. На каждой полке – свитки, книги, отдельные листки с записями. Вот как раз то, что нужно. Ранняя весна нынешнего 783 года. Развал Империи. Конечно, предпосылки для этого события начали проявляться раньше, их нужно было искать в глубине правого крыла архива, ряд десятый, а то и двенадцатый. Но нас интересуют события, а не предпосылки.

Значит, тут у нас Хартия. Да, с нее все и началось.

Империя Рэя в первые месяцы 783 года распалась на провинции. Точнее сказать, входящие в состав страны провинции, окончательно понявшие, что им не по пути, подписали Хартию и практически бескровно стали самостоятельными государствами. Для простых людей мало что изменилось, глухие деревни и вовсе продолжали считать, что живут в Империи. Да и какая, в сущности, разница, как называется сборщик налогов, раз в год к тебе приезжающий. И кому он служит: императору или Великой герцогине. Медь и серебро он забирает так же, как и год, и десять лет назад.

На самом деле Империя прекратила свое существование значительно раньше, в 775 году, когда взбунтовавшиеся дворяне, теряющие самостоятельность и свободы в результате реформ, проводимых императором Патриком³⁰, низложили и казнили государя. Сам по себе институт правительства сохранился, власть формально перешла к старшей дочери Патрика, которой на

---

²⁹ Вторжение с Севера – великое переселение племен северной территории Империи. Происходило практически одновременно с приходом пророков, принесших на территорию Империи веру в Единого Бога. Таким образом, монахи при составлении каталогов пользовались принципами хронологического, а не алфавитного порядка.

³⁰ Император Патрик, урожденный герцог Фрейвельинга. Правил с 765 по 775 год, взяв курс на централизацию государства, снижение влияния дворян. В 775 году в результате заговора высшего дворянства был казнен.

момент гибели отца исполнилось шесть лет, на деле же страной правил Магистерий³¹, возглавляемый регентом императрицы и ее дядей, ландграфом Аароном Фурко.

Из реформ, проведенных покойным императором Патриком, остался только общеимперский налог, собираемый с владельцев провинций, а все прочее: единая система судов, единая имперская армия и флот, даже зачатки внеклассовой системы образования, – было благополучно забыто. Владетели провинций, ранее еще как-то сдерживаемые сильной императорской властью, пошли в окончательный разнос. Пограничные конфликты стали нормой жизни, в разных концах страны начали поднимать голову религиозные культы: одни на основе учения о Едином Боге, другие вообще с опорой на языческие пантеоны. Некоторые владетели зашли настолько далеко, что повели самостоятельную внешнюю политику, воюя за пределами Империи и заключая союзы с иноверцами от собственного имени.

Как результат: провинция Скафил сталкивалась с вождями Нортэланта, с которыми Империя воевала уже не один десяток лет, и передала им секрет пороха, Табран развязал наступательную войну с северо-восточными племенами кочевников орьяк, Карфенак и Арендаль захватывали земли на юго-востоке, в Димауте, Товизирон, Таболергот и Оутембрийская Лига вольных городов провели церковную реформу, фактически вытеснявшую веру в Единого, Фрейвелинг отправлял корабли на поиск новых земель за морем на юге, а маленькое герцогство Келлиар, в страхе ожидая нападения кого-нибудь из соседей, замкнулось и почти не участвовало в жизни Империи. Заговоры и политические убийства стали так обыденны, что на них уже толком и внимания не обращали. За несколько лет Магистерий из органа управления государством превратился в бутафорию, даже владетели перестали посещать его, предпочитая посылать вместо себя представителей.

Вся эта дворянская вольница неизбежно шла к большой войне внутри Империи. И тогда Йан Фрейланг, владетель провинции Фрейвелинг, предложил не доводить дело до междоусобицы, а разойтись миром. Мол, раз Империи по факту уже все равно нет, а у каждой провинции свои внешние и внутренние интересы, так чего тешить себя иллюзией о мифическом единстве? Пусть каждый идет своим путем, правит своей провинцией так, как Единый подскажет. Предложение упало на благодатную почву: видимо, об этом уже давненько задумывались все. Главный интриган Империи – провинция Карфенак, в лице своего представителя на Магистерии Еронима Гейлькранце, и вовсе высказал полное одобрение Хартии о разделении, упомянув даже, что у него, Карфенака, свой исторический путь и миссия – нести свет истинной веры в Единого безбожникам и язычникам на Востоке. О том, что за последние десять лет Карфенак наизнанку вывернул все догматы истинной веры, Гейлькранце мудро умолчал.

Другой причиной для почти единогласного одобрения Хартии стало вторжение с Востока армий сразу нескольких соседних государств. Бывших политических противников объединило желание отомстить Империи за ее грабительские походы, которые самостоятельно совершали восточные имперские провинции. Владетели западных и центральных провинций, в очередной раз снарядив армию и флот для отражения вторжения агрессоров, задумались: а с какой, собственно, стати войска того же Фрейвелинга и Товизирона, Келлиара и Ирианона должны защищать восток Империи от варваров, вторжение которых является прямым следствием агрессивной внешней политики самих восточных провинций? Того же Карфенака с его историческим путем и миссией? Действуйте сами, без поддержки, раз такие умные!

В итоге Магистерий в начале весны 783 года принял последнее, общее для Империи решение, о ее разделении. Принял практически единогласно и без дебатов. Документ, подписанты которого стали все владетели имперских провинций, подготовили в рекордные сроки –

---

³¹ Магистерий – главный правительственный орган Империи Рэя, в который входили по одному представителю от каждой имперской провинции (высшей аристократии) с одним голосом каждый и сам император с двумя голосами: своим личным и голосом провинции Императорского домена. Решения Магистерия определяют внешнюю и внутреннюю политику Империи.

всего за месяц, – и к концу весны вместо Империи Рэя на карте мира появилось двенадцать новых государств: от герцогств до королевств.

Конечно, никто не ждал, что на бывшем имперском пространстве наступят мир и покой, более того, предполагалось как раз обратное. Ставшие государствами провинции усиленно наращивали армии и флоты, в большинстве своем, конечно, для защиты от агрессивных соседей, но и не без мысли самим что-либо отнять при возможности у соседей слабых. Ведь обиды, вскормленные веками, никуда не делись!

Взять то же королевство Скафил, которое фактически курирует острова морского народа, рассадник разбоя на северном море. Ведь сколько пираты фрейских деревень пожгли! И у Скафила к фреям счет длиннее проповеди жреца на день равноденствия. Герцоги Фрейвелинга набеги на Скафил чуть ли не национальным видом спорта считают.

Наверное, оттого и вывод кажется очевидным: чертежи нужны Скафилу, который ожидает вторжения от Фрейвелинга. И равен ему как по размеру сухопутной армии, так и флота, но внешняя политика северного государства, заносчивость и непредсказуемость его правителя, кёнига Юлиншерна, практически лишили Скафил союзников. А вот у Фрейвелинга друзей достаточно, один только союз с Табраном чего стоит. И получается очень просто: лишенный друзей Скафил, ожидая войны с Фрейвелингом, желает лишить его преимущества на море и организует похищение чертежей новейшего корабля.

Логично? Вполне! Но не слишком ли просто? Или старая гончая ищет двойное дно в шкатулке без оного? Как правило, самый очевидный вывод и есть правильный, хотя бывают и исключения. Особенно в международной политике. Здесь вообще сплошные исключения.

Ну, для очистки совести давай-ка примерим личину похитителя ближайшим нашим соседям. Королевство Табран? Военная аристократия, помешанная на трубах и парадах, дворянство, выросшее на безостановочных пограничных стычках с северянами Нортэланта, даже карьера в армии частенько зависит не только от древности рода, но и от личных качеств командира. Слабый флот, сильная армия. Очень сильная армия, полностью переведенная на использование порохового оружия как в пехоте, так и в кавалерии. Во многом на деньги торговых и банковских домов Фрейвелинга, к слову, переведенная. Основной государственный интерес – окончательное устранение угрозы с северных территорий Нортэланта, натерпелись табранцы за последние несколько десятков лет. Судя по отзывам барона да Гора, верные союзники, хотя и «ужасающе прямолинейные в своих притязаниях». Другими словами, очень вряд ли.

Герцогство Келлиар? Дружит со всеми, но настоящих союзов нет ни с кем, как и реального влияния. Всячески показывает свою независимость и незаинтересованность в вопросах международной политики. Очень слабые армия и флот, больше церемониальные, чем настоящие. Барон да Гора как-то обмолвился, что при проработке планов вероятного военного конфликта (так, на всякий случай) стало очевидно, что война Фрейвелинга с Келлиаром закончится за неделю – примерно столько потребуется пехоте и артиллерии, чтобы промаршировать по герцогству из края в край. Для келлиарцев дергать за усы фреев смерти подобно. Они бы на такое пошли только в плотной связке с кем-то сильным. С тем же Скафилом, например, если бы два года назад не прервали с ними все дипломатические отношения: целая серия прямых оскорблений правящему дому Келлиара от скафильцев произошла безо всякого внятного повода. Да и тамшнее правительство, возглавляемое пятилетним отпрыском герцогской фамилии де Бриье, больше озабочено воровством из казны, чем Игррой³²

---

³² Международная политика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.